

* * *

1. Amosov N. Oktjabr'skaja revoljucija i cerkov' (materialy dlja dokladchikov i besedchikov) // Antireligioznik. 1937. № 10.
2. Arhivy Kremlja: Politbjuro i Cerkov'. 1922–1925 gg. M.; Novosibirsk, 1995. Kn. 1.
3. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. M., 1926. T. 3.
4. V stane belyh jemigrantov // Bezbozhnik u stanka. 1924. № 12.
5. V.I. Belavin (patriarh Tihon) (politicheskij nekrolog) // Izvestija. 1922. 2 ijunja.
6. Za bol'shevistskiju razrabotku istorii grazhdanskoj vojny // Bor'ba klassov. 1932. № 6.
7. K otvetu! // Pravda. 1922. 28 marta.
8. Kandidov B. Kontrevoljucionnaja dejatel'nost' cerkvi v dni Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii // Antireligioznik. 1937. № 10.
9. Kandidov B. Religioznaja kontrevoljucija 1918–1920 gg. i intervencija (očerki i materialy). M., 1930.
10. Kandidov B. Rol' religii v imperialisticheskoj vojne // Bezbozhnik. 1926. № 4.
11. Knjaz'ja i prostecy // Izvestija. 1922. 26 marta.
12. Krasikov P.A. I myt'em, i kataniem // Krasikov P.A. Izbrannye ateisticheskie proizvedenija. M., 1970.
13. Krasikov P.A. Golod i hristianstvo // Krasikov P.A. Izbrannye ateisticheskie proizvedenija. M., 1970.
14. Krasikov P.A. Spasenie cerkvi // Izvestija. 1922. 3 maja.
15. L.N. Podvigi hristianskie // Izvestija. 1922. 9 maja.
16. Materialy v pomoshh' izuchajushhim istoriju VKP (b) // Antireligioznik. 1940. № 2.
17. Megruzhan F., Kogan Ju. Lenin o svobode sovesti // Antireligioznik. 1937. № 1.
18. Mezhov A. Genshtab kontr-revoljucii // Izvestija. 1922. 6 maja.
19. Obshhestvennaja mysl' russkogo zarubezh'ja. M., 2009.
20. Padenie carskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvychajnoj Sledstvennoj Komissii Vremennogo pravitel'stva. L., 1927. T. VII.
21. Sledstvennoe delo patriarha Tihona. Sbornik dokumentov po materialam Central'nogo arhiva FSB RF. M., 2000.
22. Tokar'. Raskol pravoslavnoj cerkvi i kievskoe duhovenstvo // Pravda. 1922. 2 ijunja.
23. Usagin A. Svjatye otcy za granicej // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 2.
24. Filatov R. Tihonovcy za granicej // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 12.

Bishop Antonyi (Khrapovitsky) in the Soviet historiography in the 1920–1930s

The article deals with the origins and development of evaluation of Bishop Antonyi (Khrapovitsky) in the Soviet historiography in the 1920–1930s. The author analyzes the approach of the representatives of the official state atheistic ideology to one of the most famous figures of the Russian Church of the first third of the XX century. Some definite features of Bishop Antonyi were found out then; they were kept during the whole Soviet period.

Key words: *Bishop Antonyi (Khrapovitsky), the Russian Foreign Church, the Russian Orthodox Church, Soviet historiography, ideology, propaganda.*

(Статья поступила в редакцию 11.07.2016)

О.В. ГАЛКОВА, И.А. ПЕТРОВА
(Волгоград)

КОНЦЕПЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ М. БЛОКА

Раскрывается роль одного из лидеров старшего поколения школы «Анналов» Марка Блока, стоявшего у истоков изучения «истории ментальностей» как самостоятельного направления исторического познания, в формировании концепции менталитета.

Ключевые слова: *менталитет, ментальность, «новая история», школа «Анналов».*

Вклад школы «Анналов» в развитие исторической науки XX в. признается сегодня большинством ученых, российский ученый-медиевист и культуролог А.Я. Гуревич оценил его как «подлинную революцию в области исторического знания» [14], британский историк культуры и медиевист, профессор Кембриджского университета П. Берк – как французскую историческую революцию [25]. Заложив в основу цивилизационный подход к изучению истории, историки школы «Анналов» сформулировали новые проблемы исторической науки и предложили принципиально новую методологию [22; 26] изучения

исторических памятников, позволяющую эти проблемы решать. Среди прочих – проблема социально-исторического рассмотрения ментальностей, являющаяся перспективным направлением исследований российских историков [8; 20; 21].

Отметим, что в нашей стране само понятие ментальности или менталитета утвердилось среди гуманитариев достаточно поздно, только в 1980-е гг. Многим представлялось, что это очередное заимствование западной терминологии, что в русском языке существуют конструкции с аналогичным содержанием, например «способ мышления». Но по мере распространения нового термина все яснее становилось, что найти в русском языке синоним практически невозможно, любой из них требовал достаточно сложных пояснений и толкований.

Дело было и есть не столько в термине, сколько в кажущейся методологической расплывчатости, неясности в определении объекта исследования, проблематики и т. д. Дискуссия вокруг самого термина идет уже несколько десятилетий [1; 2; 7; 8; 9; 11; 12; 14; 15; 16; 19; 23; 24], но методологическая неопределенность остается и сегодня. Вот почему нам представляется интересным вернуться к истокам понимания ментальности.

Л. Февр, основавший вместе с М. Блоком школу «Анналов», усматривал в коллективных ментальностях не столько биологические, сколько социальные основания, природу и детерминанты, процессы «вторичной перекондиционировки» картины мира с помощью знаковых систем.

Согласно видению перспектив воссоздания ушедших столетий «новой исторической наукой», Л. Февр полагал, что историку по силам не столько реконструкция объективного мира (раз и навсегда ушедшего), сколько воссоздание миропредставления и умонастроений (ментальностей) людей изучаемой им эпохи, т. е. их субъективных оценок мира со всеми важными для них реальностями, включая богов, демонов и др.

Мы остановимся на творчестве второго основателя школы «Анналов» – М. Блока. В основе исторической концепции М. Блока, на наш взгляд, лежат два основных философских положения.

Во-первых, с его точки зрения, предметом исторической науки является не просто человек. История – это «наука о людях» [3, с. 19]. На страницах его работ можно обнаружить множество имен различных исторических деятелей. Однако М. Блока не интересует область

неповторимого в истории, предметом его исследований являются, прежде всего, общество и социальные группы. «Науке о разнообразном больше подходит не единственное число, благоприятное для абстракций, а множественное, являющееся грамматическим выражением относительности» [Там же, с. 18]. Работа М. Блока «Феодальное общество» носит совершенно не характерное для традиционной историографической науки название, которая предпочитала использовать такие понятия, как «феодализм», «феодальный строй», «феодальные порядки». Благодаря труду М. Блока «общество становилось самоценным и независимым объектом изучения» [10, с. 49]. Человек интересен для М. Блока исключительно как элемент, из которого складываются отдельные социальные группы и общество в целом.

М. Блок углубляет характеристику предмета истории. Это «в точном и последнем смысле – сознание людей» [3, с. 83]. Исходя из этого, он не согласен с характерным для традиционной истории делением предметной области на отдельные направления: экономическая история, социальная история и т. д. В сознании человека все едино, его нельзя разделять. «Homo religiosus, homo oeconomicus, homo politicus – целая вереница *hominus* с прилагательными на “us”; при желании ее можно расширить, но было бы опасно видеть в них не то, чем они являются в действительности: это призраки, и они удобны, пока не станут являться помехой» [Там же]. Искусственное возведение перегородок приводит к «отрицанию единства Я» [Там же, с. 84], искажению объекта изучения. В человеческом сознании находят свое отражение все стороны жизни человека, которые, пересекаясь, оказывают влияние на его поступки и деятельность. Невозможно отделить Паскаля-математика от Паскаля-христианина. Это единое лицо, единое сознание, во всем его многообразии и даже противоречивости.

Если перейти от индивида к социальной группе или обществу в целом, то картина становится еще более сложной, более многоаспектной. «Общество, как его ни рассматривай, в конечном счете, пусть не сумма (это, несомненно, было бы слишком грубо), но, по меньшей мере, продукт индивидуальных сознаний, и мы не удивимся, обнаружив в нем такую же непрестанную игру взаимодействий» [Там же].

С этими рассуждениями связано несогласие М. Блока с идеей монизма в истории. Наука

может расчленять действительность с целью лучшего рассмотрения, а ученый может изучать частный аспект, но при этом он не должен забывать о других проявлениях жизни человека и общества. Человеческая деятельность развивается во времени. Особое понимание времени – вторая особенность исторической концепции Марка Блока. Французский историк не признает формального и удобного разделения исторического времени на столетия. Ни одно событие не начинается точно в начале века и не заканчивается с его окончанием. «Мы делаем вид, будто можем, согласно строгому, но произвольно избранному ритму, распределять реальности, которым подобная размеренность совершенно чужда. Это чистая условность, и обосновать ее мы не в состоянии. Надо искать что-то более удачное» [3, с. 98].

Историческое время – это не однородные, абстрактные, созданные человеком отрезки. Самое точное время – это время, соответствующее «природе предмета», поскольку «каждому типу явлений присуща своя, особая мера плотности измерения, своя специфическая, так сказать, система счисления» [Там же, с. 90].

Исторические явления происходят в постоянном сцеплении друг с другом, они подгоняют и тормозят друг друга, это движение одновременно. Именно поэтому для М. Блока время есть «конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории – это как бы плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты» [Там же, с. 19]. Блок видит в историческом времени две антитезы: подлинное время по природе континуум и оно также подвержено непрестанному изменению.

Такой подход к пониманию текучего и постоянного времени требует иначе рассуждать о сознании и деятельности людей. Историк необходимо видеть нечто постоянное, связывающее два последовательных состояния, этапа или процесса. С другой стороны, необходимо учитывать возникающие изменения, которые в силу существования некой константы не могут быть радикальными.

Время истории живое и подвижное. В нем происходит «непрестанная игра взаимодействия» различных элементов общественно-го сознания. Изучение общественного сознания, которое в своих трудах М. Блок довольно редко называет словом «ментальность», составляет значительную часть его научного наследия. Как правило, М. Блок для обозначения ментальности использует психологиче-

ские выражения с приставкой «коллективный» или «общий» [17, с. 147].

М. Блок рассматривает коллективную ментальность широко, не ограничиваясь только «ясным сознанием». «Читая иные книги по истории, можно подумать, что человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны. ... Мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если бы всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов» [2, с. 110]. Иначе говоря, по мнению М. Блока, человек и общество в целом зачастую действуют неосознанно, совершенно необъяснимо с точки зрения современного человека. Однако нелогичное поведение человека прошлого вполне становится понятным, если принять в расчет его ментальные установки.

Особенностью общественных ментальных установок является то, что они включают в себя два элемента: ментальные установки предшествующего периода и ментальные установки, сформировавшиеся в настоящее время. Ментальные установки прошлого живучи и восприняты обществом на уровне неосознанного. Отмечая религиозность средневекового общества, М. Блок указывает на наличие в ней множества пережитков язычества. «Религиозная жизнь питалась множеством верований и обрядов, которые были либо заимствованы древнейшей магией, либо возникли в сравнительно недавнюю эпоху в лоне цивилизации, еще способной к живому мифотворчеству, и оказывали на официальную доктрину постоянное давление» [6, с. 146]. М. Блок отмечает мистический характер мышления человека эпохи Средневековья. Окружающая природа, события, в которых повинен сам человек, наделяются сверхъестественными силами. Именно здесь скрыто объяснение поступков средневекового человека, который, прежде чем предпринять собственные усилия, обращается за помощью к тем средствам воздействия, которые он считал более эффективными. При этом не существовало различия между явлениями природными и явлениями социальными. «Заметьте, – пишет М. Блок, – войны названы рядом с бурями, т. е. явления социальные стоят в том же ряду, что и явления, которые мы теперь назвали бы природными» [Там же, с. 147].

Коллективная ментальность связана с материальными условиями жизни общества. М. Блок отмечает, что «социальная жизнь развивалась на архаическом фоне подчинения

неукротимым силам, не смягченным природным контрастам. Нет прибора, чтобы изменить влияние подобного окружения на душу человека. Но как не предположить, что оно воспитывало в ней грубость?» [6, с. 135]. В этом М. Блок согласен с Л. Февром.

Однако М. Блок также указывает на взаимосвязь ментальных установок и социально-политических процессов. Анализ, произведенный М. Блоком, такого феномена, как вера народа в чудотворную и целебную силу монархов, показал, что эта вера сформировалась под влиянием нескольких факторов.

С одной стороны, это был «продукт индивидуальной мысли» элиты, стремившейся усилить влияние королевской власти в глазах народа. Для этого и проводились специальные обряды, призванные продемонстрировать целительные способности королей. С другой стороны, имела место сохранившаяся с древности вера в сакральную силу отдельных родов, о которой писал еще Тацит. И наконец, обретение чудотворной целебной мощи французскими и английскими монархами происходит с утверждением их власти над феодалами, т. е. в период образования централизованного государства. Таким образом, «эта вера образовывала один из краеугольных камней, на которых зиждился авторитет монархической власти» [Там же].

Характеристика ментальности общества в целом дополняется характеристиками ментальностей различных социальных групп общества. Для каждой социальной группы характерны свои особые ментальные установки, помимо присущих всему обществу в целом.

Само формирование социальной группы «сопровождается формированием специфического классового сознания» [4, с. 674], которое можно проследить по возникновению особых ритуалов. Именно поэтому М. Блок уделяет особое внимание созданию психологических характеристик крестьянина в его непосредственной связи с землей; монаха, не умеющего читать Священное Писание, и священника, дурно образованного и потому неспособного противостоять крестьянским суевериям; представителя благородного сословия, для которого оценка собратьев по классу имеет большую силу, чем материальное благополучие.

Если для Л. Февра ментальность статична, то М. Блок обращает внимание на ее изменчивость. Поскольку каждая социальная группа является носителем особых ментальных черт, которые связаны с материальными условиями существования данной группы и обще-

ства в целом, то с изменением материальных условий, появлением новых социальных групп либо изменениями внутри уже существующих должно произойти изменение ментальности как общества в целом, так и отдельных социальных групп. Укрепление положения купечества в XI в. привело к некоторому изменению в социальных ценностях.

При изучении ментальности М. Блок «был чужд импрессионистскому подходу к истории и не разделял надежд тех историков, которые уповали на свои способности “вживаться” в эпоху, “проникнуться” мыслями и чувствами людей, канущих в Лету. История для него – ремесло, требующее точных и объективных приемов обработки материала» [17, с. 215]. Важнейшим методом исследования сознания человека прошлого является анализ его языка. Человеческая мысль не оторвана от способов поведения людей, а органически входит в них и потому может быть обнаружена при исследовании исторической семантики. История – это не просто «наука о людях», а «о людях во времени» [10, с. 18], поэтому изучение исторической лексики должно сопровождаться стремлением вскрыть смысл, который люди изучаемой эпохи вкладывали в свои слова и формулы. М. Блок обращает внимание на тот факт, что «у людей не заведено всякий раз, как они меняют обычаи, менять словарь» [Там же, с. 22]. Отсюда делается вывод о том, что анализ употребления различных слов должен быть связан с изучением всего содержательного фона эпохи. М. Блок осознает: «Любой важный термин, любой характерный оборот становятся подлинными элементами нашего познания лишь тогда, когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора, а главное, ограждены – если они долго просуществовали – от всегда имеющейся опасности неправильного, анахронистского истолкования. Помазание короля, наверняка, трактовалось в XII веке как священнодействие – слово, несомненно, полное значения, но в те времена еще не имевшее гораздо более глубокого смысла, который придает ему ныне теология, застывшая в своих определениях и, следовательно, в своей лексике. Появление слова – это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде; он отмечает, что наступил решающий период осознания» [Там же, с. 95].

В смене терминологии, в насыщении старых, по традиции переходящих из поколения в поколение слов и выражений новым смыслом отражаются изменения социальных институ-

тов. «Если реконструкция и интерпретация знаковых систем возможны, то может быть восстановлена и социальная структура общества, при том не в одних лишь внешних проявлениях, но и изнутри. Могут быть до какой-то степени воссозданы “аппарат” социального общения, представления, мысли, чувства, структура духовной жизни членов этого общества, иначе говоря, может быть представлено человеческое содержание социальной структуры» [11, с. 217].

Исследованию ментальности способствует и изучение ритуалов. Знаменитый обряд посвящения юноши в рыцари М. Блок связывает с формированием класса феодалов. Предшественники М. Блока, описывая этот обряд, обращали внимание на существенный момент (физическое соприкосновение посвящаемого юноши и посвящающего сеньора), напоминающий обряд посвящения в сан священника. М. Блок сближает этот ритуал с инициациями молодых людей в примитивных обществах, в частности, у германцев. Но если у германцев посвящение юноши было лишь ритуалом вступления в состав народа, где воином должен стать каждый молодой человек, то в феодальном обществе, где складывается особая группа профессиональных воинов, в которую входят вассалы и сеньоры, эта церемония превращается в форму вступления в класс. Таким образом, для М. Блока «с изменением социальной среды соответственно изменилось и человеческое содержание акта» [10, с. 207].

М. Блок отводит ментальности значительное место. Он считает, что на формирование феодального общества повлияли, прежде всего, «духовные предпосылки».

Для М. Блока европейский феодализм был порождением всей европейской социальной среды в целом и являлся результатом распада более древних обществ. «Он непонятен без учета германских вторжений, приведших к сближению двух обществ, которые находились на очень непохожих стадиях развития, и разрушивших структуру обоих, что привело к выходу “на поверхность” весьма примитивных способов мышления и общественных привычек». Ю.Н. Афанасьев отмечает: «Блок не рассматривал феодализм как закономерный этап в историческом развитии человечества, пришедший на смену рабовладельческому строю, как особую экономическую формацию, и в этом его принципиальное отличие от марксистской концепции феодализма. Согласно его точке зрения, европейский феодализм

был конкретным стечением обстоятельств, совокупностью различных по своему характеру фактов, вызванных к жизни столкновением римского и германского обществ» [1, с. 55].

Иначе говоря, именно ментальные установки римского и германского обществ, а точнее, их объединение, смешение, столкновение, и породили общество, известное сейчас как феодальное. М. Блок пишет, что ядро феодальной системы располагалось «между Рейном и Луарой», а периферия – «Саксония, христианские государства Пиренейского полуострова» [5, с. 85].

Таким образом, французские историки, стоявшие у истоков изучения «истории ментальностей» как самостоятельного направления, поместили «ментальное» между осознанным, очевидно структурированным, отрафлексированным (т. е. формами общественного сознания – религией, идеологией, моралью, эстетикой и т. д.) и неосознаваемым (бессознательным) в коллективной, а отчасти – и в индивидуальной психике людей. Сила ментальных установок велика. Ментальность не только влияет на поведение индивида и социальных групп, но и может определять характер общества в целом.

Список литературы

1. Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики: Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М.: Мысль, 1980.
2. Баглиева А.З. Понятие «менталитет»: особенности определения // Система ценностей современного общества. 2008. Вып. 4. С. 25–29.
3. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986.
4. Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Блок М. Феодальное общество // Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986. С. 122–181.
6. Блок М. Феодальное общество // 14-й Международный конгресс ист. наук: материалы к конгрессу. Вып. 7. Проблемы феодализма. М.: Акад. наук СССР, 1975. С. 30–86.
7. Воробьева М.В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. № 55. Вып. 18. С. 6–15.
8. Губанов Н.Н. Формирование, развитие, функционирование менталитета в обществе. М.: Этносоциум, 2014.
9. Губанов Н.Н. Причины исторического развития менталитета // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 10. С. 128–133.
10. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986.

11. Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 384–426.
  12. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75.
  13. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С. 6.
  14. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 48–59.
  15. Ежова Е.А. К проблеме формирования дефиниций «менталитет» и «ментальность» в этнопсихологической литературе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2013. Вып. № 2 (13). С. 110–112.
  16. Конончук Д.В. Проблемы исторической антропологии и символическая концепция ментальности // Россия и АТР. 2004. Т. 1. С. 99–111.
  17. Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Языки русской культуры, 1998.
  18. Лесная Л.В. Менталитет и ментальные основания общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1. С. 26–41.
  19. Пестрикова И.Е. Понятие менталитета: к вопросу о разработке проблемы // Омский научный вестник. 2007. Вып. 6 (62). С. 39–42.
  20. Сергеев А.В. Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX–XX вв. (на примерах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007.
  21. Титова А.А. Быт и традиции в структуре менталитета социальных и профессиональных групп городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX в. // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. С. 845–850.
  22. Трубникова Н.В. «Анналы экономической и социальной истории»: эволюция исследовательской парадигмы // Известия Томского политехнического университета. 2010. № 6. Т. 317. С. 179–181.
  23. Хромова Е.Б. Из истории становления понятия «менталитет» во французской гуманитарной науке // Вестник ПНИПУ. Сер.: Культура. История. Философия. Право. 2015. № 4. С. 19–28.
  24. Хромова Е.Б. Вспоминая Марка Блока // Вестник ПНИПУ. Сер.: Культура. История. Философия. Право. 2015. № 1. С. 24–32.
  25. Burke P. The French historical revolution: The Annales school, 1929–1989. Stanford (Cal): Stanford Univ. Press, 1990.
  26. Stoianovich T. Frenchhistorical method. The Annales paradigm. Ithaca and London: Cornell University Press, 1976.
- * * *
1. Afanas'ev Ju.N. Istorizm protiv jeklektiki: Francuzskaja istoricheskaja shkola «Annalov» v sovremennoj burzhuaznoj istoriografii. M.: Mysl', 1980.
  2. Baglieva A.Z. Ponjatie «mentalitet»: osobennosti opredelenija // Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2008. Vyp. 4. S. 25–29.
  3. Blok M. Apologija istorii. M.: Nauka, 1986.
  4. Blok M. Koroli-chudotvorcy. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998.
  5. Blok M. Feodal'noe obshhestvo // Blok M. Apologija istorii. M.: Nauka, 1986. S. 122–181.
  6. Blok M. Feodal'noe obshhestvo // 14-j Mezhdunar. kongress ist. nauk: materialy k kongressu. Vyp. 7. Problemy feodalizma. M.: Akad. nauk SSSR, 1975. S. 30–86.
  7. Vorob'eva M.V. Ponjatie mentaliteta v kul'turologicheskikh issledovanijah // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2008. № 55. Vyp. 18. S. 6–15.
  8. Gubanov N.N. Formirovanie, razvitie, funkcionirovanie mentaliteta v obshhestve. M.: Jtnosocium, 2014.
  9. Gubanov N.N. Prichiny istoricheskogo razvitija mentaliteta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 10. S. 128–133.
  10. Gurevich A.Ja. Mark Blok i «Apologija istorii» // Blok M. Apologija istorii. M.: Nauka, 1986.
  11. Gurevich A.Ja. Social'naja psihologija i istorija. Istochnikovedcheskij aspekt // Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodicheskie problemy. M., 1969. S. 384–426.
  12. Gurevich A.Ja. Problema mental'nostej v sovremennoj istoriografii // Vseobshhaja istorija: diskussii, novye podhody. Vyp. 1. M., 1989. S. 75.
  13. Gurevich A.Ja. Istoricheskij sintez i Shkola «Annalov». M.: Indrik, 1993. S. 6.
  14. Djubi Zh. Razvitie istoricheskikh issledovanij vo Francii posle 1950 goda // Odissej. Chelovek v istorii. M., 1991. S. 48–59.
  15. Ezhova E.A. K probleme formirovanija definicij «mentalitet» i «mental'nost'» v jetnopsihologicheskoi literature // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika, psihologija. 2013. Vyp. № 2 (13). S. 110–112.
  16. Kononchuk D.V. Problemy istoricheskoi antropologii i simvolicheskaja koncepcija mental'nosti // Rossija i ATR. 2004. T. 1. S. 99–111.
  17. Le Goff Zh. Predislovie // Blok M. Koroli-chudotvorcy. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998.
  18. Lesnaja L.V. Mentalitet i mental'nye osnovanija obshhestvennoj zhizni // Social'no-gumanitarnye znanija. 2001. № 1. S. 26–41.
  19. Pestrikova I.E. Ponjatie mentaliteta: k voprosu o razrabotke problemy // Omskij nauchnyj vestnik. 2007. Vyp. 6 (62). S. 39–42.
  20. Sergeev A.V. Mentalitet Rossijskogo provincial'nogo obshhestva na rubezhe XIX–XX vv. (na primerah Vjatskoj gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2007.

21. Titova A.A. Byt i tradicii v strukture mentaliteta social'nyh i professional'nyh grupp gorodskogo naselenija rossijskoj provincii v konce XIX – nachale XX v. // Fundamental'nye issledovanija. 2014. № 6. S. 845–850.

22. Trubnikova N.V. «Annaly jekonomicheskoj i social'noj istorii»: jevoljucija issledovatel'skoj paradigmy // Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. 2010. № 6. T. 317. S. 179–181.

23. Hromova E.B. Iz istorii stanovlenija ponjatija «mentalitet» vo francuzskoj gumanitarnoj nauke // Vestnik PNIPU. Ser.: Kul'tura. Istorija. Filosofija. Pravo. 2015. № 4. S. 19–28.

24. Hromova E.B. Vspominaja Marka Bloka // Vestnik PNIPU. Ser.: Kul'tura. Istorija. Filosofija. Pravo. 2015. № 1. S. 24–32.

Conception of mentality by M. Blok

The article deals with the role of the leaders of the older generation of the school of Annals by M. Blok who originated the study of the “history of mentalities” as an independent direction of historical cognition, in the development of the mentality conception.

Key words: *mentality, “new history”, school of Annals.*

(Статья поступила в редакцию 01.07.2016)

